

ДИЛЯРА УСМАНОВА,
ДИНА МУСТАФИНА

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Традиции восточной археографии в Казани и Казанском университете

Статья посвящена истории становления и развития восточной археографии в Казани, направленной на выявление, сбор и изучение ориентальных арабографических рукописей. Показано, что археографические исследования, имеющие более чем двухсотлетнюю традицию, во многом были обусловлены зарождением в Казанском университете научного востоковедения, получившего мощный импульс благодаря собирательской деятельности преподавателей “Разряда восточной словесности”, а также татарских просветителей и интеллектуалов. Авторы более подробно рассмотрели качественно новый этап в развитии археографической работы, наступивший в 60-х гг. XX в. после организации регулярных археографических экспедиций, приведших к весомому росту количества рукописей и старопечатных книг в фондах Научной библиотеки Казанского университета. Логическим продолжением работы археографических экспедиций стало создание специальной Археографической лаборатории, ориентированной на расширение камеральных изысканий, составление справочных изданий, библиографических указателей и подготовку уникальных рукописных текстов к печати. Авторы статьи также очертили перспективы развития восточной археографии в Казанском университете.

Ключевые слова: Казань, восточная археография, арабографические рукописи, археографические экспедиции, Археографическая лаборатория Казанского университета.

Превращение Казанского университета, основанного в 1804 г., во флагмана российской ориенталистики и важнейший центр восточной археографии было вполне закономерно: будучи историческим центром многоэтничной и поликонфессиональной восточной окраины Российской империи, к началу XIX в. Казань воспринималась как “преддверие Востока” [см.: Труды 1884, XXV]. Зарождение, становление и развитие в Казанском университете научного востоковедения отражали возрастающие потребности в изучении истории и культуры народов Востока,

что предопределило проведение разнообразных археографических изысканий с целью выявления, сбора и публикации письменных памятников на восточных языках. Изучение языковых и графических особенностей таких памятников предполагает не только наличие специальных навыков и умений у публикатора и исследователя, но и знание традиций, опыта, накопленного предшественниками и коллегами. От этого в значительной степени зависят качество и эффективность археографической работы. Поэтому начать свой обзор мы хотели бы с исторического экскурса.

Специалисты выделяют пять основных историко-географических ареалов распространения тюркоязычных арабографических манускриптов: восточно-туркестанский, среднеазиатский, малоазиатский (турецкий), закавказский (азербайджанский), поволжско-уральский [Дмитриева 1987, 407–477]. Для полноты представления надо добавить, что до конца XIX в. многие авторы из татар создавали свои произведения на арабском и персидском языках.

Наиболее востребованные рукописные книги было принято переписывать на языке оригинала, комментировать, а затем переводить на более понятный населению татарский язык. Работавшие на рынок переписчики часто совершали специальные поездки в разные уголки тюркского мира, привозя оттуда книги, писчую бумагу, чернила [см.: Зайцев 2000, 77–82]. Сохранились сведения из XVII в. о поездке анонимного переписчика за нужной книгой из Казанского уезда в Астрахань; в XVIII в. каллиграф Мухамметрахим Курсави из села Ташкичу (совр. Арский район Республики Татарстан) специально ездил по окрестностям г. Тары, чтобы скопировать сборник “Мәжмугъль-хикәйәт” (“Сборник рассказов”) [см.: Әхмәтжанов 2011, 33; Мәржани 1900, 127]. Просьбы о передаче книг и высылке писчего материала попадали и в дипломатическую переписку глав государств [Мустафина, Трепавлов 2006, л. 10об., 21, 112, 142об., 362, 368, 376; кн.5, л. 30об., 44, 79об., 132, 137, 140об., 169об., 177]. О сложившейся в татарском обществе традиции бережного отношения к документу мы узнаем также из писцовых книг, в которых права служилых татар и мурз на владение поместными жеребьями подтверждались представлением правительственным агентам (писцам) соответствующих актов нотариально-юридического характера [см.: Мустафина 2009, л. 1об., 2,3, 3об., 4, 4об. и др.].

Время не пощадило письменного наследия, однако не победило стремления народа сохранить духовный опыт предшествующих поколений, передать потомкам различные письменные свидетельства. Во многом благодаря практике тиражирования рукописных произведений, сложившейся и получившей развитие в XIII–XIX вв., а также вслед-

ствие практики делопроизводства, предусматривавшей составление современных оригиналу списков, исследователи сегодня имеют возможность читать и изучать древние манускрипты.

В настоящее время в Казани существует целый ряд научных центров, в которых сосредоточены рукописи на восточных языках: Научная библиотека им. Н.И. Лобачевского Казанского федерального университета (НБЛ КФУ), Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ), Национальная библиотека Республики Татарстан (НБ РТ), Национальный музей Республики Татарстан, Институт языка, литературы и искусств им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан (ИЯЛИ АН РТ), Национальный культурный центр “Казань”. В них хранится в общей сложности более 27 тысяч восточных раритетов. Коллекции рукописей постоянно пополняются, особенно активно расширяются фонды отделов рукописей и редких книг библиотеки КФУ и Национальной библиотеки, а также Отдела рукописей и текстологии ИЯЛИ АН РТ. Источниками комплектования фондов упомянутых древлехранилищ традиционно остаются полевые археографические изыскания в районах компактного проживания татарского населения, дарение и приобретение манускриптов у частных лиц.

Интерес к восточным рукописям как к источнику исторических сведений зародился в России еще в XVIII в. В.Н. Татищев, с именем которого связывают превращение исторических знаний в науку, во время своих поездок по России и в бытность свою астраханским губернатором собирал письменные памятники, в том числе не дошедшие до нас “истории, написанные по-татарски”, которые затем использовал в сочинении “История Российская”. Известно его обращение в Академию наук с призывами приступить к сбору рукописных памятников и спасению их от гибели. На научную значимость татарских, персидских и турецких рукописей, необходимость их изучения, публикации и использования наравне с источниками на русском и западноевропейских языках при написании истории и географии России обращал внимание немецкий историк Г.Ф. Миллер (1705–1783).

В том же XVIII в. возник практический интерес к татарским рукописным книгам, обусловленный открытием в Казани первой мужской гимназии (1759) и началом преподавания в ней татарского языка (1769). Восполняя дефицит учебников, переводчик Адмиралтейства Сагит Хальфин (1732–1785) использовал при преподавании рукописи в качестве учебного материала. В составе коллекции книг и рукописей фельдмаршала Г.А. Потемкина (1739–1791) и В.И. Полянского, доставленных в гимназию в 1798–1799 гг., были и восточные манускрипты,

составившие впоследствии основу библиотеки Казанского университета. Они также использовались на кафедрах турецко-татарского языка, арабской и персидской филологии, монголоведения, китайско-маньжурской словесности, армяноведения [см.: Усманов 1990, 3].

Значительный вклад в соби́рание древних фолиантов и публикацию раритетных текстов на восточных языках внес адъюнкт татарского языка Ибрагим Исхакович Хальфин (1778–1829), первым из татар приглашенный в университет. Подготовленный им для издания текст исторической повести “Дафтар-и Чингиз-наме” (1819; 1822) с терминологическим словарем служил учебным пособием. Тексты же ярлыка хана Тимур-Кутлуга (1397), доисламской повести об Амате на арабском языке, свод сказаний “Жизнь Чингис-хана и Аксак Тимура” и книги Абульгази Бахадур-хана “История о монголах и татарах” (1825) до сих пор остаются востребованными научной общественностью.

Широта научных интересов побуждали изучать культуру и быт казанских татар, а также собирать татарские и русские рукописи одного из первых профессоров и ректоров университета Карла Фукса (1776–1846). Исследованием и публикацией сочинений арабских, персидских, турецких, среднеазиатских авторов по культуре, филологии, мусульманскому законоведению активно занимался возглавлявший кафедру турецко-татарского языка Мирза Мухаммед-Али (в крещении Александр Касимович) Казем-бек (1802–1870).

За первые 50 лет функционирования университета стараниями ученых-ориенталистов в его библиотеке оказался сосредоточен богатейший корпус восточных рукописей и рукописных книг. В начале 50-х гг. XIX в. ординарный профессор арабского и персидского языков¹ Иосиф Ф. Готвальд (1813–1897) осуществил первичную камеральную научно-археографическую обработку рукописного фонда и составил “Описание арабских рукописей, принадлежащих библиотеке Императорского Казанского университета”, выпущенное в виде отдельной книги в 1855 г. [см.: Готвальд 1855; Артемьев 1851, № XXV, XXXIII, XCIV; Бобровников 1898]. Однако вскоре Разряд восточной словесности был переведен в Санкт-Петербург (1854–1856), та же участь постигла и большую часть ориентальных рукописей.

К счастью, данное обстоятельство не привело к полному угасанию дела соби́рания рукописных памятников. Культурный подъем на переломе XVIII–XIX вв. вызвал к жизни ряд общественно-научных обществ в Казани, причем некоторые из них были ориентированы на выявление и сбор восточных рукописных памятников. Так, помощник библиотекаря университета, преподаватель географии, политической экономии и

всеобщей истории П.С. Кондырев на публичном заседании “Общества любителей отечественной словесности” призывал собирать фольклор и письменные памятники восточных народов [см.: Шпилевский 1873, 47; Валеев 1998, 96; Сидорова 2014, 36]. По инициативе профессора И.Ф. Готвальда и преподавателей Казанской духовной академии было создано *Восточное общество*, учредители которого намеревались заниматься сбором фольклора и памятников письменности, изданием текстов, составлением словарей и руководств по грамматике восточных языков. К сожалению, внутренние разногласия и отсутствие материальной поддержки привели к довольно быстрому прекращению деятельности сообщества [см.: Валеев 2005, 98–100].

С 1878 г. при Казанском университете начинает функционировать Общество археологии, истории и этнографии². Исследовательские интересы большинства его членов фокусировались главным образом на учете, сохранении и изучении уцелевших памятников материальной культуры Средневолжского региона, включая археологический и нумизматический материал, и сборе сведений об антропологических особенностях восточных народов, а также об обычаях, традициях и быте поволжских народов, их фольклоре и истории. В сущности, деятельность Общества была направлена на “открытие и узнавание” восточных народов и территорий, вошедших в состав Российского государства. Его члены, безусловно, понимали исключительную важность письменных памятников для воссоздания прошлого края и предпринимали поиски и публикацию документальных материалов. В выступлениях на заседаниях Общества подчеркивалась необходимость введения в научный оборот и сохранения старинных рукописей, в том числе “мусульманских”, привлечения татар к изучению истории и исторической географии Средневолжского края [см.: Шпилевский 1884, 3, 30–31; Сидорова 2014, 100–105]. Подобный опыт уже имелся: “специалист из местных казанских ученых”, богослов, историк и просветитель, имам-хатиб и мудarris 1-й Казанской мечети Шихабетдин Марджани принял активное участие в работе Казанского предварительного комитета IV Археологического съезда³, не только подготовив сообщение о мечетях и имамах Волго-Уральского региона, членах Оренбургского духовного собрания (муфтията), и о видных представителях татарской общины Казани, но и собрав к съезду татарские рукописи [см.: Труды 1884, 40–58].

Разработанные Марджани принципы издания текстов служили образцом и мерилom качества археографической обработки исторических памятников для ученого-просветителя, богослова и историка Ризаэддина Фахретдинова [ср.: Ризаэддин Фэхреддин 2006, I; 2009, II; 2010,

III–IV]. Еще один ученик Марджани — тюрколог Хусаин Фаизханов (1823(?)–1866) был привлечен Академией наук к описанию средневековых тюркоязычных документов из архива Министерства иностранных дел (ныне РГАДА, г. Москва). В сотрудничестве с востоковедами Казани и Санкт-Петербурга он занимался выявлением, сбором и публикацией документальных материалов по истории Касимовского, Казанского и Крымского ханств, а также перевел на татарский язык памятник средневековой персидской и арабской литературы “Калила ва Димна”. Отличительной чертой подготовленного им к изданию сборника “Материалы по истории Крымского ханства...”, содержащего 400 татарских документов, стал научный аппарат, выведивший читателя за круг содержания источников. О научной ценности подготовленного ученым труда свидетельствовал выход из печати вскоре после русскоязычного варианта издания на французском языке (1864)⁴.

Все это свидетельствовало о сохраняющемся живом интересе части татарского общества к памятникам материальной и духовной культуры. Надо сказать, что подавляющей части мусульманских священнослужителей издавна было свойственно и “библиофильство”: все они имели библиотеки, состоящие как из книг религиозного, религиозно-философского и юридического содержания, так и из рукописных творений светского характера [См.: Трепавлов 1999, 35–38; Татар әдәбияты тарихы 1984, 546; Амирханов 2010, 15; Описи 1960, 17–44, 47–137; Ахметзянов 2012, 129].

Постепенно благодаря усилиям арабиста И.Ф. Готвальда и тюрколога Н.Ф. Катанова часть коллекции восточных раритетов из фондов университетской библиотеки, перемещенная в столицу, стала замещаться новыми разнообразными письменными материалами на восточных языках, хотя и не в прежних объемах и репертуаре. В 1895 г. обладатель богатого книжного и рукописного собрания И.Ф. Готвальд передал в дар университету 111 арабографических фолиантов, а в 1897 г. оставшуюся часть его личной библиотеки и архива, в том числе 157 восточных рукописей, передала университету его дочь, исполняя последнюю волю отца. Следует упомянуть и археографическую деятельность тюрколога Н. Кармышева (1825–1903). Стараниями вышеупомянутых ученых, неравнодушных к судьбе ориентальных манускриптов и оставивших глубокий след в татарском просветительстве к началу XX в. в фондах библиотеки университета оказалось сосредоточено около 300 арабографических памятников.

После Февральской революции 1917 г. активное участие в комплектовании библиотек Казани принимали движимые благородными побуж-

дениями и всплеском интереса к прошлому частные коллекционеры и их наследники, передавая им в дар свои коллекции книг и рукописей. Так, в 1920 г. библиотека Музея Татарской республики пополнилась 947 рукописями из коллекции Галимджана Баруди (1857–1921), собранными им за годы обучения в Средней Азии и во время многократных путешествий по Центральной Азии и Ближнему Востоку. В результате реорганизации библиотечной системы бесценные манускрипты из коллекции Баруди очутились в библиотеке университета.

Октябрьский политический переворот, с одной стороны, усилил интерес к прошлому, в том числе и у представителей татарского общества, с другой стороны, породил стремление к отказу от прежних ценностей, несущих на себе печать традиционного религиозного мировоззрения и порушенной буржуазной системы в целом. Материальные носители информации — книги и рукописи порою уничтожались в идеологических целях. В глазах неграмотных масс все написанное арабским письмом стало выглядеть реакционным, устарелым и подлежащим искоренению. Подобное отношение к письменным памятникам обострило желание интеллектуальной части социума сберечь раритеты для грядущих поколений и обусловило конкретные действия по их активному поиску и изучению.

В первой трети XX в. особую роль в целенаправленном сборе арабографических рукописей и древних книг сыграл отличавшийся трепетным отношением к истории, языку и творчеству родного народа Саид Вахиди (1887–1938). В 1909 г. ему посчастливилось обнаружить знаменитый ярлык хана Сахиб-Гирея 1523 г., и он же стал первым его исследователем [Вахидов 1925]. Будучи первым специалистом-археографом, он составил “Инструкцию по сбору и изучению исторических памятников и источников” на татарском языке (1918–1928), в которой обобщил собственный опыт археографической работы с тем, чтобы предупредить неверные шаги и исключить необдуманные методы “полевых” изысканий среди мусульманского населения региона, с недоверием и опаской относившегося к интересующимся древними рукописями людям. К сожалению, текст “Инструкции”, выполненный арабицей на 18 листах, остался неопубликованным [см.: Усманова 2015, 32]. Активной поисково-выявительской работой С. Вахиди занимался до 1937 г. Его судьба схожа с судьбой большинства опальных представителей национальной интеллигенции, переживших “чистку” 20–х гг.: в годы культа личности он был арестован, обвинен в пантюркизме и контрреволюционной деятельности (в вину вменялась даже попытка создать с помощью Китая и Японии татарское государство) и 5 января 1938 г. расстрелян.

Точное количество спасенных С. Вахиди рукописей, старопечатных книг и различных актов определить сложно, достоверно известна лишь результативность экспедиции 1928 г. в Спасский район ТАССР в 1934 г. (в составе экспедиции АН СССР) [см.: Миннуллин 2012, 220–228]. По приблизительным подсчетам З.С. Миннуллина, количество выявленных и переданных им в различные книгохранилища страны арабографических материалов было не менее трех тысяч. Многие позднейшие исследователи с неизменной благодарностью отмечали вклад С. Вахиди в организацию археографических экспедиций. С его именем, творчеством и наследием связывают начало традиций научно-археографической работы казанских исследователей [см.: Госманов 1990, 80–90 б.; Усманов 2002, 549; Исламов 2011, 226–228].

Часть собранных С. Вахиди рукописей хранится в Отделе редких книг и рукописей (ОРПК) НБЛ КГУ, созданном в 1934 г. По официальным отчетам, на 1.01.1937 г. в фондах ОРПК КГУ насчитывалось 5174 рукописи и 250 печатных книг на восточных языках [см.: НБЛ КГУ, 7–8], иначе говоря, к середине 1930-х гг. здесь в общей сложности имелось 5424 единицы хранения. Около 2000 единиц собранного материала археограф передал в Государственный музей Татарской АССР (совр. Национальный музей Республики Татарстан). Существенную часть собрания он отправил востоковеду-тюркологу Александру Николаевичу Самойловичу (1880–1938) в Ленинград. Ныне она составляет основу рукописного фонда Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург).

В 1930–1940-х гг. поиском и сбором рукописей занимались научный сотрудник АН СССР Вали Забиров (1899–1937) и педагог из Астрахани Сабир Алимов (1871–1938)⁵. В. Забиров осуществил экспедиционный поиск арабографических рукописей среди татарского населения Закавказья, Астрахани и Приуралья. Собранные им материалы (1403 рукописи, 1000 документов — актов и 2559 печатных книг) были переданы в Институт востоковедения АН СССР в Санкт-Петербурге [см.: Миннуллин, Мәрданов 2000, № 9, 182–185]. В. Забиров стал первым татарским археографом, прибегшим к публичному сообщению результатов экспедиционных поисков. В декабре 1934 г. он выступил на сессии АН СССР и позже опубликовал текст своего доклада в научном сборнике [Забиров 1935, 269–282]. Выявленные у населения рукописи С. Алимов переправил по почте в Казань (ныне они хранятся в Восточном секторе ОРПК библиотеки Казанского университета). В те годы (1930–1950) ОРПК университет возглавляли лица, получившие блестящую языковую подготовку в дореволюционных учебных заведениях (медресе) России и

Ближнего Востока, позднее — Средней Азии, поэтому собранные рукописи попадали в руки настоящих ценителей [см.: Шишкин, Щельванова 2011, 376–377].

Однако общая политика в отношении сбора и изучения арабографичного письменного наследия оказалась неблагоприятной. Неутешительной она оказалась и для судеб рукописной коллекции, сосредоточенной в библиотеке университета. Восточный сектор ОРПК, лишившийся сотрудника, владевшего необходимыми навыками и знаниями, в результате ареста и гибели в тюрьме Абукарама Шакирова, был в 1940 г. закрыт и не функционировал до 1947 г., вследствие чего ценнейшая коллекция оставалась недоступной исследователям. В сохранившихся официальных отчетах ОРПК, кроме дефицита квалифицированных кадров, указывалось и на отсутствие надлежащих условий хранения рукописей.

С наступлением периода “оттепели” и процесса демократизации общественной жизни в конце 50-х гг. XX в. наметился определенный перелом и в судьбе ориентальных памятников. Ускорению позитивных перемен способствовало назначение в 1959 г. на должность заведующего Восточным сектором ОРПК молодого и энергичного выпускника Казанского университета Альберта Фатхиева (1937–1992) [Шишкин, Щельванова 2011, 274–275]. Преданный до фанатизма делу сохранения письменного наследия, молодой специалист занимался вопросами организации и условий хранения рукописей, фактически заложил основы и принципы инвентаризации восточных манускриптов, составления и публикации научных описаний ориентальных памятников. Всю свою жизнь он посвятил сбору и изучению рукописей (в основном имевших отношение к творчеству татарских писателей), а также популяризации уцелевшего духовного богатства в средствах массовой информации. Его систематическая и неустанная деятельность составила одну из ярких страниц восточной археографии в Казанском университете [см.: Госманов 2007, 149–150 б.; Фэтхи 2007; Усманова 2014, 34].

На рубеже 1950–1960-х гг. библиотечные фонды пополнялись за счет даров и пожертвований, а также различных находок во время фонетических, диалектологических, этнографических и др. экспедиций. Так, в конце 1959 г. в библиотеку поступило 70 рукописей, подаренных Джавадом Алмазовым (1916–1979) [НБЛ КГУ 1959, 25]. В 1962 г. студент (и будущий почетный профессор Казанского университета) М.А. Усманов передал в восточный сектор ОРПК около 20 списков сочинений разного содержания (исторических памятников, произведений татарской и др. тюркоязычной литературы), выявленных им в ходе диалектологической экспедиции в Новосибирскую область (1961) [НБЛ КГУ 44,

инв. №№ 1919–1938 т.]. Одним из самых значительных поступлений рукописей в фонд ОРПК стала коллекция из примерно 590 рукописей и книг, обнаруженная в 1964 г. в казанской мечети Марджани и переданная в дар университету при содействии доцента исторического факультета Луизы Шайдуллиной. В этом собрании были представлены списки памятников древнетатарской литературы “Насихат-ас-салихин” (в библиотечном фонде этого сочинения до тех пор не было), “Таварихи Булгария”, “Дастаны Чингиз” и др. [НБЛ КГУ, 98].

Однако все эти факты дарения и приобретения носили спорадический характер и не могли, с одной стороны, обеспечить систематического расширения фондов ОРПК, и, с другой стороны, спасти для науки катастрофически быстрыми темпами исчезающий, обреченный на гибель бесценный пласт письменного наследия.

В этих условиях пришло понимание необходимости в целенаправленных археографических изысканиях в форме ежегодных “полевых” экспедиций в районы расселения татарского населения для фронтального поиска и сбора рукописей и старинных книг. Рубежным в этом отношении стал 1963 г., когда группа ученых Казанского университета по инициативе заведующего кафедрой истории СССР Ш.Ф. Мухамедьярова решила предпринять археографическую экспедицию. Вопросы организации легли на плечи тогдашнего аспиранта кафедры М.А. Усманова, в участии которого был весьма заинтересован руководитель экспедиции: за плечами молодого соискателя была кульджинская школа (г. Китай, округ Синьцзян), продолжавшая традиции знаменитых татарских педагогов братьев Нигматуллиных-Буби. Молодой специалист обладал завидной эрудицией и бесценными для археографа и источниковеда качествами: владел рядом восточных языков, имел навыки чтения арабско-графических текстов, хорошо знал общетюркскую и в целом мусульманскую литературу как новейшего, так и средневекового и нового времени.

Состав участников первой экспедиции получился весьма солидным: кроме упомянутого заведующего кафедрой истории СССР Ш.Ф. Мухамедьярова и студента 5 курса М.А. Усманова, в ней участвовали зав. сектором ОРПК НБЛ КГУ А.С. Фатхиев, заведующий кафедрой татарской литературы Х.У. Усманов, заведующий кафедрой татарского языка М.З. Закиев. В следующем году состав участников был более “демократичным”. Фактическое руководство осуществлял М.А. Усманов, а с 1965 г. на протяжении последующих 25 лет он являлся участником, организатором, юридически узаконенным неизменным руководителем археографических экспедиций Казанского университета. К полевым поискам он привлекал аспирантов, а с 1969 г. и студентов [см.: Госманов 1984, 39–43].

Уже во время первого выезда “в поле” археографы убедились в сохранении у татарского населения арабографичных рукописей и обнаружили ярко выраженную тенденцию к гибели восточных раритетов. Им сообщали, что уцелевшие от уничтожения в 20–30-е гг. старинные книги и рукописи сжигались во избежание подозрений в политической неблагонадежности обладателя, предавались земле вместе с умершими ревнителями письменного достояния, закапывались в тайники в надежде на лучшие времена, закидывались на чердаки в качестве ненужного и уже непонятого скарба, хранимого из чувства уважения к памяти усопшего близкого родственника и т.д.

В этих условиях речь могла идти в первую очередь о необходимом безотлагательном спасении письменных памятников. Поэтому экспедиции Казанского университета по сбору арабографичных рукописей среди татарского населения СССР приобрели регулярный, а в отдельные годы и “кустовой” характер. Помимо официальной группы археографов, с 1969 по 1978 гг. индивидуальными археографическими изысканиями (преимущественно в Актанышском районе Татарстана) занимался руководитель восточного сектора А.С. Фатхиев. С инициативой организации экспедиций малыми группами с привлечением студентов выступили ученики М.А. Усманова. Под руководством ассистента кафедры истории СССР Рафаэля Шайхиева состоялись четыре экспедиции: в 1978, 1981, 1983, 1987 гг. Аспирант, а позднее ассистент той же кафедры Завдат Миннуллин провел также четыре экспедиции — в 1981, 1982, 1983 и 1987 гг. В 1988 г. индивидуальную поисковую работу осуществил аспирант Искандер Гилязов. Все эти поездки в немалой степени способствовали реализации плана археографической работы кафедры. Всего за первые 25 лет организации археографических исследований учеными Казанского университета было проведено не менее 53 поездок. Анализ динамики количественного роста восточной коллекции ОРПК КГУ в середине и второй половине XX в., отраженной в отчетах Отдела [см.: Отчет ОРПК НБЛ КГУ за 1936–1994 гг.], свидетельствует, что за эти годы археографических экспедиций было собрано практически столько же рукописей, сколько хранилось в ОРПК до начала полевых исследований КГУ [Усманова 2014, 465–481].

Следует отметить, что профессор М.А. Усманов понимал важность подготовки достойной смены и умел на пике достижений и собственной востребованности доверить своим ученикам дела, ставшие смыслом его жизни. С 1991 по 2014 гг. организатором и руководителем археографических экспедиций стал один из его учеников — старший преподаватель, впоследствии доцент кафедры истории татарского народа

З.С. Миннуллин. С 1992 г. полевая археографическая работа ученых Казанского университета проводилась совместно с сотрудниками отдела рукописей Национальной библиотеки Республики Татарстан (НБ РТ).

В течение полувека в поисках рукописей и старопечатных книг членами экспедиций было обследовано более 1300 населенных пунктов в районах компактного расселения татарского населения в 25 регионах (областях и республиках) Российской Федерации. География исследований была чрезвычайно широкой: от западных и центральных районов страны (Рязань) до Сибири (Тува, Новосибирск, Иркутск и пр.), от Перми на севере до Астрахани на юге. За 50 лет поисков участникам экспедиций удалось собрать и, следовательно, спасти от неминуемой гибели почти 10 000 рукописей, старопечатных книг и отдельных документов на татарском, арабском, персидском и турецком языках [Усманова 2014, 465–481]. На 1.01.1991 г. (последний год, за который сохранились данные отчетов ОРПК НБЛ о количестве восточных рукописей) имелось 12372 ориентальных манускриптов IX–XX вв., являющихся гордостью ОРПК и объектом заинтересованного внимания отечественных и зарубежных исследователей истории и культуры Востока [см.: Отчет ОРПК НБЛ КГУ за 1936–1994 гг.]. С 1992 г. по 2014 г. в библиотеку поступило еще 3000 единиц хранения рукописей и документов, около 1500 арабографических книг, а также комплекты татарских журналов дооктябрьского периода [см.: Миннуллин 2015, 114–116]. Приведенные цифры не отражают действительного положения, так как к началу 2000-х гг. в ОРПК более 3000 рукописей оставались неинвентаризированными и некаталогизированными. В течение 2000-х гг. было собрано еще несколько тысяч единиц, в том числе арабографические рукописи, старопечатные книги, образцы периодики и документы. Большая их часть до сих пор остается необработанной и ждет своего исследователя в фондах ОРПК НБЛ КФУ.

Вторым после университета археографическим центром стал Татарский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории имени Галимджана Ибрагимова Казанского филиала АН СССР, с января 1993 г. находящийся в составе АН Республики Татарстан, в 1996 г. переименованный в Институт языка, литературы и искусства (ИЯЛИ) имени Галимджана Ибрагимова АН РТ. С 1970 г. группа ученых Института стала выезжать в археографические экспедиции. К началу 1990-х гг. из участников поисковой археографической работы остался лишь один — М.И. Ахметзянов. Он продолжал регулярные поиски и сбор письменных памятников до 2011 г. Благодаря самоотверженности всех этих ученых количество рукописей в хранилище ИЯЛИ со 137 единиц в 1972 г. к настоящему времени достигло более 7500 единиц, а вместе с

документами XVII–XIX вв. составило почти 9 000 единиц [Ахметзянов 2011, 1–2; Ахметзянов 2012, 135].

С 1992 г. к работе по поиску и сбору рукописных книг среди татарского населения, организуемой кафедрой истории татарского народа Казанского университета, подключилась НБ РТ. В результате совместных экспедиций в фондах Отдела рукописей и редких книг НБ РТ сложилась коллекция письменных памятников, состоящая из 2078 единиц тюрко-татарских, 402 единиц арабских и 77 единиц персидских рукописей и редких книг, в том числе старопечатных [Зиганшина 2015, 103].

Точное количество рукописей и рукописных книг в фондах Национального музея Республики Татарстан остается неизвестным. Основу этой коллекции составило приобретенное музеем собрание из 200 рукописных арабографических памятников археографа и текстолога Зайнап Максудовой. Несколько сотен рукописных книг, в основном из личной библиотеки Ш. Марджани, хранится также в Национально-культурном центре Казани.

Таким образом, последние 50 лет стали временем активного поиска и сбора рукописей и старопечатных книг, осуществлявшихся исследователями Казани в разных формах: организации комплекса археографических экспедиций, единичных поездок, отдельных мероприятий и приобретений. Справедливости ради следует отметить, что в росте числа рукописей и старопечатных изданий определенную роль сыграли филантропические усилия отдельных энтузиастов и любителей, “разбуженных” просветительской и публикаторской деятельностью ученых: публичными выступлениями и публикациями в печати А.Г. Каримуллина, М.А. Усманова, А.С. Фатхиева и др. Да и после археографических исследований КГУ своего рода “агенты влияния” на местах часто занимались сбором рукописей [см. Отчет ОРПК НБЛ КГУ за 1969 год, 220]. В личном архиве М.А. Усманова сохранилась обширная переписка с некоторыми из таких “внештатных корреспондентов”.

Суммируя, следует отметить следующее: 1) главным направлением археографических поисков в университете до последнего времени оставалось выявительно-собираательское; 2) археографические поиски последних лет показали, что в ближайшей перспективе еще есть возможность спасти от исчезновения ту часть письменного наследия, что остается у татарского населения на руках; 3) для обеспечения результативности сбора и сохранения восточных рукописных памятников и редких книг необходимо безотлагательно расширять полевые поиски.

Вместе с тем систематическое обогащение фондов ОРПК НБЛ КГУ уникальными источниками по истории и культуре восточных народов

привело к необходимости решения ряда задач, и прежде всего, задачи проведения камеральной обработки рукописей, описания и каталогизации, а также такой организации хранения, которая обеспечивала бы быстрый доступ к рукописям и создавала бы условия для их максимального использования. Второй насущной задачей являлось введение рукописных памятников в исследовательский оборот, ибо чтение арабграфических текстов требовало специальных навыков, которыми подавляющая часть читателей не обладала.

В результате расширения фондов увеличился реальный объем работы, возлагаемой на сотрудников ОРК НБЛ КГУ. В 70-е—первой половине 80-х гг. XX в. в двух секторах Отдела — русском и восточном — трудилось всего четыре человека, включая заведующего. В их обязанности входила работа по обслуживанию многочисленных читателей, организации выставок, проведению экскурсий и описанию коллекций и единиц хранения. Кроме того, они должны были периодически производить ревизию фондов и проверять соответствие имеющихся в наличии единиц хранения зафиксированным в инвентарных книгах, что было особо трудоемким делом, требующим неустанного раядения. В таких условиях было невозможно вести планомерную кропотливую работу по подготовке научных каталогов, аннотированных описаний рукописей и публикации этих описаний, хотя такая работа и проводилась. О подготовке же к изданию текстов источниковых материалов и вовсе говорить не приходилось. С каждым годом все острее ощущалась потребность в новых кадрах: количество татарских рукописей в то время достигало 5 тысяч единиц-корешков, как правило, состоявших из 4–5 сочинений, обработкой же такого огромного массива занимались всего два сотрудника — Альберт Фатхиев (1937–1992) и Диляра Абдуллина (1934–2006) [Шишкин, Щельванова 2011, 14–16, 274–275], которые физически не успевали произвести элементарную инвентаризацию рукописей, продолжавших оставаться недоступными исследователям.

Работа по описанию и каталогизации тормозилась и в виду отсутствия специалистов-археографов со знанием арабского и персидского языков. Почти две трети находок и приобретений археографических экспедиций составляли памятники на различных восточных языках. К тому же в составе татароязычных конволютов присутствовали тексты на фарси, арабском, турецком, уйгурском, узбекском и других языках. Безусловно, полноценное научное описание умножающегося из года в год материала требовало знания соответствующих восточных языков, современных самим рукописям. Однако в Отделе практически не было сотрудников, способных дать квалифицированную консультацию по

чтению, пониманию и интерпретации арабских и персидско-таджикских рукописей, не говоря уже о специалистах, знающих уйгурский, турецкий, китайский и др. восточные языки, а также способных читать русские средневековые источники.

Наконец, остро стояла проблема обеспечения сохранности и консервации редких книг, рукописей и уникальных газет начала XIX–XX вв. на русском и татарском языках (17 названий с общим объемом почти 82 тысячи листов-страниц), которым грозила преждевременная физическая гибель. Состояние подавляющей части рукописей и рукописных книг было далеким от удовлетворительного: многие “тлели” и были покрыты бурными пятнами, заражены различными грибами, объедены грызунами, обветшали по краям и сгибам, имели множество разрывов и заломов. Газеты были напечатаны на бумаге плохого качества, от сухости, частого перелистывания и неаккуратного обращения эта бумага “ломалась” и крошилась. Все это невозполнимое в случае утраты и гибели наследие нуждалось, да и сейчас нуждается, в неотложной стабилизации и реставрации. Выполнить эту работу могли только специалисты, имеющие соответствующую подготовку. Ведь требовалось не просто определение характера повреждений, а знание возможных способов и методов их исправления, максимально сохраняющих признаки подлинности рукописей и не создающих затруднений для использования. Ради обеспечения сохранности следовало также произвести консервацию некоторых единиц хранения, устанавливая приоритеты в соответствии с их уникальностью, состоянием и частотой использования. Отсюда вытекала необходимость микрофильмирования или ксерокопирования рукописей, имеющих историко-культурную ценность, как это осуществлялось в центральных древлехранилищах страны.

Все эти причины в совокупности обусловили создание в 1986 г. исследовательской группы по археографии, в 1987 г. переформатированной в Научно-исследовательскую археографическую лабораторию КГУ. Научным руководителем этого подразделения стал способствовавший возобновлению востоковедческих традиций в Казани профессор М.А. Усманов, обративший внимание ректората и Ученого совета университета на назревшие потребности ОРРК.

Научно-исследовательская тематика вновь учрежденного подразделения была скоординирована с планом работы Археографической комиссии АН СССР (г. Москва), поделившейся методическими рекомендациями по подготовке и проведению полевых археографических исследований и камеральной работы. Свою деятельность Лаборатория стала осуществлять в трех направлениях: а) выявительно-поисковом;

б) камерально-исследовательском; в) публикаторском. Особое внимание уделялось составлению и подготовке к печати изданий справочного характера, биобиблиографических и аннотированных указателей к старопечатным изданиям, а также публикации текстов наиболее ценных и актуальных исторических и литературных первоисточников. Подготовленные и опубликованные сотрудниками лаборатории библиографические указатели как к отдельным периодическим изданиям (к журналу “Шура”, газете “Эль-Ислах”), так и к материалам всей татарской периодической печати в целом были признаны “эталонными” многими специалистами [см.: Мәрданов 1991, 127; Гайнанов, Марданов, Шакуров 2000, 316; Госманов, Мәрданов 2000, 264]. Высокую оценку отечественных востоковедов и правительства Исламской республики Иран получил первый выпуск описаний персоязычных рукописей из фондов ОРРК НБЛ КГУ (второй выпуск в настоящее время находится в печати) [см.: Арсланова 2005]. Превратились в библиографическую редкость издания текстов документов, вышедших из повстанческого лагеря в годы крестьянской войны Е.И. Пугачева [см.: Усманов, Алишев, Гилязов, Хисамова 1988], актов, материалов землеустроительных акций и специального документирования [см.: Мустафина 2015, 68–70].

Кроме того, сотрудники лаборатории оказались востребованы в подготовке молодых специалистов: читали студентам курсы палеографии (татарской и русской), археографии и ряда других вспомогательных дисциплин, направленных на разработку методики и техники исторического исследования, на историческом факультете, а впоследствии и на факультете татарской филологии, истории и восточных языков, привлекались и к преподаванию арабского и персидского языков.

В настоящее время руководство Института международных отношений, истории и востоковедения, в ведении которого находится Археологическая лаборатория, предпринимает ряд действий, направленных на модернизацию технической базы, необходимой для осуществления неотложных охранительно-множительных операций и спасения рукописей и газет от гибели. Острая потребность в незамедлительной реставрации обветшавших рукописей и газет, консервация имеющихся письменных памятников делают насущной подготовку специальных кадров. Успешное проведение этих работ может дать новый импульс развитию восточной археографии и открыть новую страницу в истории археологической работы в Казанском университете.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Одновременно он исправлял должность библиотекаря Казанского университета и исполнял функции цензора восточных книг. См.: [Загоскин 1904, 226–228, 245].

² Историю одного из самых известных российских научных обществ — Общества археологии, истории и этнографии см.: [Сидорова 2014].

³ См.: ОРРК НБЛ. Ед. хр. 9273. Л. 5 об.

⁴ См. о нем подробнее: [Усманов 1980, 31–36; Мәрданов 2006].

⁵ См. о С.Г. Алимове и В.А. Забирове: [Мицнуллин 2011, 224–226; Мицнуллин 2011, 234–238].

Источники

Отчет ОРРК за 1959 г.

Отчеты ОРРК за 1938 г.

Отчеты ОРРК. — С. 44, инв. №№ 1919–1938г.

Отчет ОРРК НБЛ КГУ за 1936–1994 гг.

Отчет ОРРК НБЛ КГУ за 1969 год.

ЛИТЕРАТУРА

- Амирханов Х., 2010: *Таварих-е Булгарийа (Булгарская хроника)*. Москва.
- Арсланова А.А., 2005: *Описание рукописей на персидском языке Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского государственного университета*. Вып. I. Москва–Казань.
- Артемьев А.И., 1851: Библиотека Императорского Казанского университета, *Журнал Министерства народного просвещения*. Ч. 70, № 6 (3), 83–112. Ч. 72, 1–30.
- Ахметзянов М. Х., 2011: *Татарская археология. Отчеты о результатах археологических экспедиций (1972 – 2010 гг.)*. Ч. I–2. Казань.
- Ахметзянов М.А., 2012: О татарских рукописных книгах. К истории археологического собрания татарских рукописей, *Научный Татарстан*, № 2, 126–146.
- Әхмәтҗанов М.Х., 2011: *Татар археологиясе. Соңгы елларда археологик экспедицияләр вакытында тупланган кулъязмаларның тасвирламалары*. Казан.
- Бобровников А.А., 1898: *Опись книг и рукописей, хранившихся в архиве имп. Казанского университета на арабском, персидском, турецком, татарском, киргизском, монгольском языках*. Казань.
- Валеев Р.М., 1998: *Казанское востоковедение: истоки и развитие (XIX в.–20-е гг. XX в.)*. Казань.
- Валеев Р.М., 2005: Востоковедение как направление деятельности Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете (1878–1929), in *История и историки в Казанском университете: к 125-летию Общества археологии, истории и этнографии при Казан. ун-те*: Сборник научных статей и сообщений. Ч. 2. Казань: КГУ, 96–103.

- Вахидов С. 1925: Исследование ярлыка Сахиб-Гирей хана, *Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете*. Т. 33, вып. 1. Казань, 61–92.
- Гайнанов Р.Р., Марданов Р.Ф., Шакуров Ф.Н., 2000: *Татарская периодическая печать начала XX века*: Библиографический указатель. Казань: Милли китап.
- Госманов М.Г., 1984: *Каурый каләм эзеннән: Археограф язмалары*. Казан: Татар. кит. нәшр. (Тулыландырылган икенче басма: Казан, 1994).
- Госманов М.Г., 1990: Сәид Вахидинев игелекле мирасы, *Үткәннән – киләчәккә*. Казан: Татарстан китап нәшрияты.
- Госманов М.Г., 2007: Альберт Фәтхи турында истәлекләр [өзек], *Казан утлары*, № 7, 149–150.
- Госманов М.Г., Мәрданов Р.Ф. 2000: “Шура” журналының библиографик күрсәткече. Казан: Милли китап.
- Готвальд И.Ф., 1855: *Описание арабских рукописей, принадлежавших библиотеке Императорского Казанского университета*. Казань.
- Дмитриева Л.В., 1987: Тюркоязычная арабописьменная рукописная книга по её ареалам, in *Рукописная книга в культуре народов Востока*. Очерки. Кн.1-я. Москва, 407–477.
- Забиров В.А., 1935: Предварительное сообщение о работе Археографической экспедиции Академии наук, *Исторический сборник*, № 4. (Труды исторической комиссии Академии наук СССР. Москва–Ленинград), 269–282.
- Загошкин Н.П. (ред.), 1904: *Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета (1804–1904): за сто лет: в 2 ч.* Казань. Ч. 1. Кафедры православного богословия, факультеты историко-филологический (с разрядом восточной словесности и лектурами) и физико-математический.
- Зайцев И.В., 2000: К истории книжной культуры в Джучидских государствах, in *Восточный архив*, № 4–5, 77–82.
- Зиганшина С.Р. (отв.ред.), 2015: *Национальная библиотека Республики Татарстан: уникальные фонды и коллекции*: [книга-альбом]. Казань: Татарское книжное издательство.
- Исламов Р.Ф., 2011: Сәид Вахиди (Сәид Габделмәннан улы Вахидов), in *Восточные рукописи: современное состояние и перспективы изучения*. Материалы Круглого стола (Казань, 1 декабря 2011 г.). Казань, 226–228.
- Мәрданов Р. (төзүче-автор), 2006: *Хөсәен Фәезханов: тарихи-документаль жәһентык*. Казан: “Жыен”.
- Мәрданов Р.Ф., 1991: “Әл-Ислах” газетасының күрсәткече. Казан.
- Мәржани Ш., 1897–1900: *Мөстәфадел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар*. Т. I (1897). Т. 2 (1900). Казан.
- Миннуллин З.С., 2012: Об Археографической экспедиции Академии наук СССР 1934 года в Татарскую АССР, in *Тюркоязычная книга: наследие веков: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной истории тюркоязычной книги* (Казань, 17–18 октября 2012). Казань, 220–228.

- Миннуллин З.С., 2015: Восточная археология в Казанском университете: страницы истории, in Д.М. Усманова, Д.А. Мустафина, М. Кемпер (сост. и науч. редакторы), *Тюрко-мусульманский мир: идентичность, наследие и перспективы изучения*. (К 80-летию профессора М.А. Усманова): сб. статей. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 113–118.
- Миңнуллин Ж. С. 2011: Сабир Галим улы Алимов, in *Восточные рукописи: современное состояние и перспективы изучения*: материалы Круглого стола (Казань, 1 декабря 2011 г.). Казань, 224–226.
- Миңнуллин Ж., Мәрданов Р., 2000: *Мирас бәртәкләп жыела*. Казан утлары, № 9, 182–185.
- Миңнуллин Ж.С., 2011: Вәли Габдрахман улы Зәбиров, in *Восточные рукописи: современное состояние и перспективы изучения*: материалы Круглого стола (Казань, 1 декабря 2011 г.). Казань, 234–238.
- Мустафина Д.А. (сост.), 2009: *Писцовые книги Казанского уезда 1685–1687 годов*: Публикация описаний Зюрейской дороги. Казань: Изд-во Казан.ун-та.
- Мустафина Д.А., 2015: Вклад М.А. Усманова в основание и деятельность Археологической лаборатории Казанского университета, in *Тюрко-мусульманский мир: идентичность, наследие и перспективы изучения*. (К 80-летию профессора М.А. Усманова). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 61–69.
- Мустафина Д.А., Трепавлов В.В. (сост.) 2006: *Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг.* Публикация текста. Кн. 4; кн. 5. Казань.
- Описи = *Описи царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г.* Москва, 1960.
- Сидорова И.Б., 2014: *Учёное братство: Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете (1878–1931 годы)*. Ч. 1. Казань.
- Татар әдәбияты тарихы. Алты томда. 1 том. Казан, 1984.
- Трепавлов В., 1999: Приключения “Чудес творений” из ханской библиотеки Казани в “либерию” Ивана Грозного, *Эхо веков*, № ¾, 35–38.
- Труды 1884 = *Труды Четвертого археологического съезда в России, бывшего в Казани с 31 июля по 18 августа 1877 года*. Т. 1. Казань.
- Усманов М.А., 1980: *Заветная мечта Хусаина Фаизханова*. Повесть о жизни и деятельности. Казань: Татар. кн. изд-во.
- Усманов М.А., 1990: Итоги и перспективы археологических работ в Казанском университете, in *Материалы итоговой научной конференции КГУ за 1988 год*: (Доклады на пленарных заседаниях). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 3–20.
- Усманов М.А., 2002: Вахидов Саид Габдулмананович, in *Татарская энциклопедия*. Т. 1. А–В. Казань.
- Усманов М.А., Алишев С.Х., Гилязов И.А., Хисамова Ф.М. (сост.), 1988: *Возвращения и переписка вожжак Пугачевского движения в Поволжье и Приуралье*. Казань: изд-во КГУ.
- Усманова Д.М., 2014: Миссия археологических экспедиций в сохранении и развитии традиций востоковедения и исламоведения в Казанском государ-

- ственном университете, in Д.В. Брилев (отв. ред.), *Ислам в мультикультурном мире: Мусульманские движения и механизмы воспроизводства идеологии ислама в современном информационном пространстве: сб. статей.* Казань, 465–481.
- Усманова Д.М., 2015: Экспедиционные дневники М.А. Усманова (1963–1988 гг.) как источник по истории восточной археологии, in Д.М. Усманова, Д.А. Мустафина, М. Кемпер (сост. и науч. редакторы), *Тюрко-мусульманский мир: идентичность, наследие и перспективы изучения.* (К 80-летию профессора М.А. Усманова): сб. статей. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 28–42.
- Фэтхи А.С., 2007: *Мәкаләләр һәм истәлекләр.* Казан.
- Фәхрәддин Р., 2006–2010: *Асар.* Т. I (2006). Т. 2 (2009). Т. 3–4 (2010). Казан.
- Шишкин В.И., Щельванова Ж.В. (сост.), 2011: *Научная библиотека Казанского университета в лицах.* Ч. 1. Сотрудники библиотеки, 1806–2007 гг. Казань: Казан ун-т.
- Шпилевский С.М., 1873: *Указатель исторических достопримечательностей города Казани.* Казань: университетская типография.
- Шпилевский С.М., 1884: *О задачах деятельности Казанского Общества археологии, истории и этнографии и о возможном содействии Обществу со стороны жителей местного края.* Отг. из Известий Общества археологии, истории и этнографии. Т. 3. 1880–1881. Казань: Университетская типография.

DILIARA USMANOVA,
DINA MUSTAFINA

The Traditions of the oriental archaeography in Kazan and Kazan University

This article is devoted to the history of the development and elaboration of the eastern archaeography in Kazan, which is addressed to the trace and study of oriental manuscripts in Arabic writing. It's been revealed that archaeographical studies with far more than bicentenary tradition were discovered due to oriental studies in Kazan University. Also, the aforementioned studies were influenced by academicians' gathering activity of *Razryad vostochnoy slovesnosti* and by Tatar enlighteners and intellectuals. The authors have closely examined an entirely new phase in the development of archaeographical studies, which took place in 60-s of the 20th century after regular archaeographical expeditions. Due to that, the number of manuscripts and black-letter books in the Science Library's funds of Kazan University has dramatically increased. An establishment of Archaeographical laboratory turned out to be a logical continuation of previous expeditions that were oriented to the enlargement of cameralistic research, to the composition of inquiry publications and to the preparation of unique handwritten texts for printing. The authors of the above-named article have also defined perspectives of eastern archaeography's development in Kazan University.

Keywords: Kazan, East archaeography, using Arabic script manuscripts, Archeographical expedition, Archaeographic laboratory the University of Kazan.

DILIARA USMANOVA, DINA MUSTAFINA

Rytų archeografijos tradicijos Kazanėje ir Kazanės universitete

Straipsnis skirtas rytų archeografijos, kurios tikslas tirti ir analizuoti rytietiškus rankraščius, rašytus arabiškais rašmenimis, tradicijos vystymosi ir plėtojimosi Kazanėje istorijai. Straipsnyje parodoma, kad archeografinės studijos, turinčios gilią, daugiau nei dviejų šimtų metų šaknis, buvo atrastos Orientalistikos studijų, vykdytų Kazanės universitete, dėka. Paminėtoms studijų kryptims taip pat turėjo įtakos ir akademikus vienijančios grupės „Rytų literatūros skyrius“ (*Разряд восточной словесности*), ir totorių švietėjų bei intelektualų pastangos. Straipsnio autorės išsamiai išnagrino visiškai naują archeografinių tyrimų raidos etapą, vykusį XX a. septintame dešimtmetyje, po nuolatinių archeografinių ekspedicijų. Šių ekspedicijų pasekmė – Kazanės universiteto Mokslų bibliotekos fondus papildė didelė rankraščių kolekcija. Buvo įsteigta Archeografijos laboratorija, kurios tikslas – plėsti akademinis tyrimus, rengti unikalius, ekspedicijų metu rastus, rankraščius spaudai. Šio straipsnio autorės puoselėją rytų archeografijos tyrimų tolesnės plėtros idėją Kazanės universitete.

Reikšminiai žodžiai: Kazanė, rytų archeografija, arabiškais rašmenimis rašyti rankraščiai, archeografinės ekspedicijos, Kazanės universiteto Archeografijos laboratorija.

Поступило в редакцию: 20 сентября 2015 г.

Принято к печати: 19 октября 2015 г.

Дилиара Миркасымовна Усманова, доктор исторических наук, профессор Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского (Приволжского) федерального университета.

Diliara Mirkasymovna Usmanova, Professor of History of the Institute for International Relations, History and Oriental Studies, Kazan (Volga Region) Federal University Usmanova.

Diliara Usmanova, habilituota istorijos mokslų daktarė, Kazanės (Volgos regiono) federalinio universiteto Tarptautinių santykių, istorijos ir orientalistikos instituto profesorė.

Дина Абдулбаровна Мустафина, кандидат исторических наук, доцент Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского (Приволжского) федерального университета.

Dina Abdulbarovna Mustafina, PhD (History), Assoc. prof. of the Institute for International Relations, History and Oriental Studies of Kazan (Volga Region) Federal university.

Dina Mustafina, istorijos mokslų daktarė, Kazanės (Volgos regiono) federalinio universiteto Tarptautinių santykių, istorijos ir orientalistikos instituto docentė.

E-mail: maktub29@yandex.ru

Urywek protestacji z Księgi akt grodzkich trockich z lat 1660–1661 spisanej w dwóch językach — polskim i ruskim / Отрывок жалобы из Актов Трощкого замкового суда 1660–1661 г., составленной на двух языках — польском и западнорусском (VUL: F7-TrPT, 1660–1661, 15)